

Кушугора. - 1993. - 27 марта. - С. 2.

Надежды маленький оркестрик

В подземном переходе между старым «Националем» и Госпланом играет оркестр. Точнее, джаз. Саксофон, труба, тромбон, ударные и даже банджо. Последнее придает звучанию ансамбля концертную законченность, благодаря которой как-то забываешь о воле не концертной экипировке уличных музыкантов. Об их свалывавшихся зимних шапках, о неуклюжей и неказистой теплой одежде типа той, в какой отправляются на подледный лов, перчатках с обрезанными пальцами, чтобы сподручнее было обращаться с инструментом. А также об обветренных их, плохо выбритых лицах. И еще про картонную коробку, в которую прохожие бросают гонорар, мятые обесцененные рубли и трешки.

Впрочем, есть и постоянная переходная публика. Нищие, мелкие фарцовщики и начинающие валютчики, юные проститутки пэтушного вида под надзором своих сутенеров-джигитов, наглые цыганята.

Для этой малопочтенной аудитории оркестранты играют будто для взыскательных слушателей международного конкурса. Как для завсегдатаев элитного джазового клуба. Словно для избранных гостей престижного бала. С такой же искренностью, с таким же увлечением, с такой же странной в продуваемом мартовскими сквозняками подземелье самоотдачей. Должно быть, настоящий музыкант органически не способен халтурить. Хотел бы, с удовольствием позволил бы себе слабость, однако против воли заводится, забывает о снисхождении к самому себе, выкладывается до изнеможения. И труба рвется наружу из подземелья, и саксофон облагораживает затоптанные, заплывающие здешные пределы своими аристократически гнусавыми руладами, и ударник рассыпается весенним градом, и банджо разливается звоном знойного южного праздника...

Не знаю, какой кайф ловят от этой музыки постояльцы подземного перехода, но человека моего поколения она притягивает властно, как магнит. «Когда святые маршируют», «Караван», «Бесаме мучо» — джазовая классика, полупрепятная музыка нашей бедной юности. Отрада наших небогатых балов — школьных, студенческих, заводских — по интенсивности переживаний не превзойденных в памяти никакими фестивальными приемами и премьерами.

Как же мало было нужно для счастья! Чтобы синие апрельские тени сгустились за окнами и чтобы в фойе или в коридоре, превращенном в танцзал, вот так вот взлетела к потолку беззаконная, идейно чуждая, восхитительная труба. «Спасибо, музыка, за то, чего и умным не подделать...»

Много раз хотел подойти к музыкантам поближе, познакомиться, потолковать, расспросить, как дошли они до жизни до такой, какая злая судьба свела их в этот неприкаянный подворотный дискленд, из концертного зала заставила спуститься в порочное, прохужее подземелье? Собирался, да раздумал. Разве и так не ясно? Разве все мы — литераторы, актеры, живописцы — не оказались теперь в подобном же положении? И если не творим в подземном переходе, то лишь потому, что нашли себе во вселенском торжище менее откровенное применение.

И все же не один лишь то-

скливый скепсис пробудила в моей душе эта музыка.

Им никто не запрещает играть, подумал я, и это уже победа. Никто их не гонит, никто не прорабатывает, никто не утверждает их репертуар и не объявляет его незрелым, идейно порочным и чуждым интересам народа. Да, у этих музыкантов нет теперь опеки и покровительства, их концертные смокинги не востребоважно болтаются в шкафу, у общества появились вроде бы более насущные потребности, нежели музыка, но значит ли это, что она навсегда отсечена на обочину жизни? Не думаю. Если бы дело обстояло так, торопливый, деловой, нервный гражданин не замирал бы вдруг посреди перехода, застигнутый вовсе не расчетливым, не практическим чувством. И в глазах энергичного молодого поколения не появлялась бы хотя на мгновение мечта, не воплотимая в бледно-зеленый прямоугольник долларовой бумажки. Конечно, музыка нынче беззащитна, не охранена условностями торжественного зала или по меньшей мере приличиями общепита. Но подделывать ее действительно нечем. Она незаменима, она звучит, и это самое главное.

Самое главное, что музыканты играют. Несмотря на мартовскую стужу, на каменную сырость подземелья, на случайный и ненадежный свой, никакими договорами не гарантированный гонорар. Играть — потому что это их призвание, их дело, их предназначение на земле, высокопарно выражаясь, их долг.

Полагаю, что это пример всем нам, «бродягам и артистам», тем, кто не считает свой большой дар или скромную одаренность номенклатурной привилегией и неприменной принадлежностью государства, кто не стремится в сановники от литературы и в вельможи от искусства. Наше дело — играть. Писать, сочинять, творить, предаваться фантазиям и мечтам, которые, как выяснилось, не однажды: в сущности реальнее любой реальности. В сущности, она только тогда и становится для людей непреложным фактом их собственной биографии, когда осмыслена и претворена искусством.

Это не идеализм. Это инстинкт морального самосохранения. Сопротивление ненависти, убогому косноязычию, самодовольному скудоумию, безнадежности и отчаянию. Чехов сказал когда-то устами любимой героини: «Неси свой крест и веруй». Лучшей заповеди для творческого человека, неважно — признанного всемирно или не признанного даже в дружеском кругу — быть не может.

Зрители еще вернутся в театральные залы. Читатели потянутся к романам, написанным из потребности понять и примирить, а не из низкого коммерческого расчета. Музыка еще зазвучит под сияющими концертными сводами.

Нужно только не забывать о том, что улица для нее не самое плохое место. Все-таки не застенок. И о том также, что внешняя свобода при всех ее соблазнах не заменит художнику тайной свободы. В пушкинском и блоковском понимании совершенной духовной независимости.

С этими мыслями опускаю в лежащую на асфальте коробку свой неброский червонец. Как говорится, чем могу...

Ан. МАКАРОВ.

27.03.93

54

Макаров Ан.